

рамках постоянно действующих консультативных органов: советов, общественных палат, «круглых столов», общественных советов и т. д.

Одним из приоритетных направлений взаимодействия политических партий с государством является государственная поддержка деятельности партий. Обязанность оказания государственной поддержки Закон возлагает на федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления. Государственная поддержка оказывается партиям на равных условиях, что предполагает единые условия доступа к материально-техническим, финансовым и иным ресурсам, предоставляемым государством как на платной, так и на безвозмездной основе. Равенство условий в оказании государственной поддержки является важнейшим условием реализации законодательно закрепленного принципа равенства политических партий перед законом. Однако это равенство не означает абсолютного равенства в государственной поддержке, так как в отдельных случаях она имеет исключения, обусловленные специальным статусом партии.

Подводя итог, отметим, что существующая система российского законодательства, регулирующего взаимодействие политических партий и государства, находится на пути становления. Начало, положенное Федеральным законом «О политических партиях», является существенным шагом на пути реализации принципов демократии и развития гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Швед В. А. «Дубинка» для неудобных // Выборы. Законодательство и технологии. 2002. № 10. С. 30.
2. Ст. 38-40 Федерального закона «О политических партиях» от 11.07.2001 № 95-ФЗ. СЗ РФ. 2001. № 29 Ст. 2950.
3. Швейцер В. А. Регулятор без грани: Комментарии к закону о политических партиях // Новое время. 2001. № 9. С.22.
4. Подробнее см.: Ахрамович А. В. Гражданская экспертиза законопроекта о политических партиях // О выборах. 2001. № 1.
5. Камышев Д. И. Приговор по партийной линии // Власть. 2001. № 1-2. С. 17.
6. Данные Указы президента в официальных средствах массовой информации опубликованы не были.

*Лилия Мансуровна АЛЛАНИНА —
аспирант Тюменского государственного
института мировой экономики, управления и права*

УДК 347.5

РАЗВИТИЕ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ИЗЪЯТИЕ РЕНТНЫХ ДОХОДОВ ГОРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

АННОТАЦИЯ В статье раскрываются основные этапы развития законодательства, регулирующего правовой режим рентных доходов в горнодобывающей промышленности, начиная с источников феодального права и заканчивая началом XX века.

The article deals with the basic stages of legislation development which regulates oil and gas or other mining rental profits relating mineral resource industry, from the feudal period up to XX century.

В последнее время вопрос о горной ренте, под которой, как правило, понимают сверхдоходы горнодобывающих компаний, приобрел особую актуальность, что связано в первую очередь с тем, что он затрагивает стратегические вопросы управления и эксплуатации недр, являющихся основным источником, генерирующим ренту страны, а также вопросы преобразования отношений собственности, которые, как известно, служат основой становления любой рыночной экономики. В этой связи исследование исторических основ зарождения рентных правоотношений в недропользовании представляет особый интерес.

Судя по отечественным источникам феодального права, включая Краткую Правду, Пространную Русскую Правду, на которые в свое время оказали влияние сборники византийского права (Номоканоны или Кормчие Книги, Эклога и Прохирон, «Закон судный людем») [1], изначально функция присвоения земли совпадала с функцией присвоения недр, так как ценность содержащихся в недрах полезных ископаемых была в то время еще не раскрыта, распределение происходило между общинной системой и складывающимся в ходе разложения родоплеменного строя государством.

Несмотря на то, что правовой регламентации недр как объекта прав в то время не существовало, тем не менее законодательство уже регулировало зачатки рентных отношений. Так, согласно ст. 50 Русской Правды в Пространной редакции «Кто отдает в рост, или мед в настав, или хлеб в присып, тому надлежит представить свидетелей, и как они договорились, так ему и брать в *рост*» [2].

Термин «рост» в данном случае явился «отцом» нынешней ренты, поскольку символизировал плату в виде процентов за пользование чужим имуществом на основе договора, действительность которого зависела от наличия присяги свидетелей, которая, однако, согласно ст. 48 того же закона, не требовалась в отношениях между купцами [3]. Указанная норма предоставляла широкие возможности для развития рентных отношений, так как срок взимания роста не ограничивался.

В отличие от Русской Правды, Псковская ссудная грамота не устанавливала максимального размера роста или «гостинца» — вопрос о размере определялся соглашением сторон, именовавшимся «торговлей», путем совершения записи: «А которому человеку на ком будет имать по записи, да и гостинец будет писан по записи, а придет зарок, ино ему явит господне о своем гостинце, ино и по зарокам ему взять своих гостинцев» [4]. Введенное Псковской ссудной грамотой деление имущества на недвижимое («отчина») и движимое («живот»), что нашло отражение в ст. 88, 100, тем не менее еще не отражало специфику участков недр как объекта, по поводу которого устанавливались рентные отношения.

В Судебнике 1550 г., в отличие от предыдущего правового регулирования, нормы о «росте» дополняются обеспечением не в виде самозаклада [5] — предшественника нынешнего залога, а в форме залога недвижимости — вотчин [6], а в ст. 194 Соборного Уложения 1649 г. — также и залога движимых вещей [7]. Характерной особенностью правового регулирования рентных платежей в Соборном Уложении явилось отсутствие судебной защиты в случае их неуплаты или неполной уплаты (ст.ст. 254-260). Необходимо отметить, что законодательство, предшествующее Соборному Уложению, рассматривало ренту («рост») как вещь правомерную. О ней говорится в ст. 8 Уложения о порядке судопроизводства по заемным и иным делам от 17 ноября 1628 года [8]. Обычный размер роста был $5/6$, то есть 20 процентов.

Как видно из содержания вышеуказанных норм памятников отечественного законодательства, в основе взимания рентных платежей изначально лежал договор или «торговля», «запись» и т. д. В этой связи полагаем допустимым говорить об однородности оснований возникновения процентов по договору займа и рентных платежей по договорам, связанным с предоставлением права пользо-

вую правовую природу, и лишь впоследствии стали относиться к различным правовым институтам вследствие дифференциации правового регулирования. Указанное подтверждает тот факт, что рента всегда носила возмездный встречный характер, основанный на обязательстве должника перед кредитором в связи с предоставлением права пользования имуществом последнего. Поэтому юридически законодателем была создана единая однородная основа взимания рентных платежей в сфере гражданских правоотношений — договор. И уже в зависимости от того, какой именно объект служил рентообразующим фактором, по поводу которого уплачивались платежи, можно было предопределить дальнейшую специфику и диверсификацию рентных обязательств.

Конец XVII в. характеризовался расширением товарно-денежных связей, развитием промышленности, укрупнением частного землевладения, слиянием вотчин и поместий, что нашло закрепление в Указе «О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах» от 23 марта 1714 года [9]. Право обладания участками недр, входивших в качестве составной части вотчин и поместий, для ведения промышленных предприятий верхнего слоя купечества — «гостей» закреплялось именными жалованными царскими грамотами, системой «откупов» учет которых осуществлялся в Печатном приказе [10], однако имеющиеся слюдяные, соляные и иные промыслы легко могли перейти из рук частных предпринимателей в собственность монастырей или иного лица государева [11], что указывает на недостаточность правовых гарантий для первых предпринимателей-недропользователей. Вместе с тем понятие недр, как и собственности вообще, по-прежнему отсутствовало в правовых актах того времени.

Начало XVIII века, ознаменованное реформами Петра I, характеризовалось повышением ценза «казенной формы собственности» — передачей действующих фабрик и заводов из казны в частные руки, разгосударствлением крупной промышленной собственности, по словам Петра I, для того, что государство служит для «общего блага» и «всемирной пользы» и «надлежит трудитца о ползе и прибытке общем..» [12].

В соответствии с Указом от 24 августа 1700 года был учрежден Приказ рудокопных дел, чтоб «отверзать недра русских гор и черпать сокровища в них сокровища, дабы Божие благословение под землей втуне не пропадало» [13], 2 ноября того же года издан Указ «О прииске золотых, серебряных, медных и иных руд по всему пространству России; об осмотре Воеводам приисканных руд на месте, и о награждении учинивших таковой прииск частных лиц». В 1719 г. были утверждены Привилегии о рудах и металлах, в нормах которых была провозглашена свобода горного промысла.

10 декабря 1719 г. был принят Горный манифест, «Берг-Привилегиум» Петра I, был провозглашен принцип равнодоступности к изучению и использованию недр, невмешательства в хозяйственную деятельность предпринимателей. Берг-привилегиум регламентировал разрешительный порядок получения права пользования недрами: правовым основанием отвода участка в частную собственность для разработки недр служила жалованная грамота. Закон, закрепляя возможность принудительного временного пользования участков недр в целях недропользования у частных собственников, не желавших разрабатывать богатства недр, под условием предоставления рентных выплат, содержал основы горного сервитута — права ограниченного пользования участком недр, устанавливаемого в интересах лица, осуществляющего пользование участком недр. При этом владельцам тех земель, в которых были найдены руды, давалось первоочередное право по устройению заводов. В указанном документе, кроме привилегий, установлены меры финансовой поддержки предпринимателей.

Нормы законодательства первой половины XVIII в. о деятельности хозяйствующих субъектов — горных предприятий предполагали возможность зак-

лючения гражданско-правовых договоров, а плата за пользование недрами (рентные платежи) исчислялась в процентном соотношении от доли от прибыли предприятия на основе указанных соглашений.

В 1747 г. на основе Указа «Об исключительном праве казны и царя на разработку недр, содержащих драгоценные металлы» большинство земель, на которых находились заводы и приписные крестьяне, перешло в собственность главы государства. Весьма интересным представляется тот факт, что именно к середине XVIII века в истории России, в период царствования Екатерины II появляется термин «собственность» [14], когда царь, олицетворявший собой государство, не мог произвольно изъять любое имущество у подданного, а договоры купли-продажи недвижимости уже заключались в письменной форме. «Полная собственность» была предоставлена Жалованной грамотой дворянству лишь указанному сословию в качестве особой привилегии-права.

Вместе с тем право горной свободы и горной регалии было отменено Манифестом от 28 июня 1782 [15], а владение рудниками и заводами царствующей особы было закреплено в ст. 1699 Горного устава 1828 года. Тенденция к государственной монополии на недра и их ресурсы проявлялась в предоставлении ограниченных вещных прав на участки недр частным лицам. Так, например, Указом от 26 апреля 1905 г. [16] особой Комиссии было поручено завершить отвод земель казакам Иртышской линии с лимитом общего количества 253456 десятин на условиях безвозмездной передачи. В этой связи земли и недра передавались в безвозмездное пользование, но не в собственность, что отражает тенденцию развития отношений собственности того времени в пользу постепенной их национализации.

В целом факт увеличения к XIX в. количества участков недр, находящихся в собственности государства, явилось закономерным отражением тенденции увеличения личной царской и государственной собственности вообще как последствия петровских реформ.

Кодифицированное собрание всех законов, касающихся горнозаводской промышленности, вошло в VII том Свода законов Российской империи, изданного в 1857 г., основой которого стал Проект Горного положения, утвержденный еще 13 июля 1806 г. [17] В начале 60-х г. XIX в. после издания Манифеста от 19 февраля 1861 г., регламентировавшего положение крестьян, вышедших из крепостной зависимости, он требовал «согласования между собою разных законов и особенно очистки от таких узаконений, которые устарели и... мешают развитию горного промысла; но для этой последней цели нужнее всего энергическая инициатива в таких делах, которые в России еще не начаты или трудно принимаются и беспрестанное издание частных правил и временных узаконений, примененных к распространению промышленности в каждом месте отдельно, если почему либо для многих мест не могут быть годны одни и те же правила» [18]. Как видно, частная инициатива предпринимателей уже в то время осознавалась как необходимое условие развития недропользования. В совокупности с положительным эффектом правовых реформ Александра II, в результате которых частная собственность перестав быть привилегией, сделалась общей правовой нормой всего населения [19], указанное способствовало увеличению количества частных горных заводов за счет причисления к ним бывших посессионных заводов, имевших от казны пособие в «людях». Несмотря на то, что, как отмечает М. В. Власова [20], история российской частной собственности насчитывает всего 5-6 десятилетий: с 1840-1850-х гг. до 1917г., тем не менее уровень правового регулирования к концу XIX — началу XX вв. позволял создавать и расширять новые горнорудные производства при наличии широкого спектра государственных льгот для предпринимателей. К началу двадцатого столетия в России законодательно были созданы все условия для развития рентных отношений в недропользовании. В этой связи представляется целесообразным в рассматриваемых отношениях использовать опыт прошлого законодательного регулирования в части

создания благоприятных условий деятельности недропользователей с позиций стабильности и неизменности условий заключаемых договоров между собственником недр и недропользователем, расширения применения государственных гарантий, установлений льгот в целях обеспечения условий рентабельной деятельности, экономико-социального развития инфраструктуры.

Завершая анализ развития законодательства, регулирующего рентные отношения в недропользовании, хотелось бы сделать следующие выводы. Правовое регулирование рентных отношений в нормах отечественного законодательства X-XVI вв. изначально строилось в рамках гражданско-правовых конструкций. Появление ренты ознаменовано включением в самые первые источники феодального русского права термина «рост», символизировавшего плату за использование чужого имущества на основе договоров займа. Наиболее широкое применение он имел место в соглашениях (именуемых «торговлей») с участием торговцев, предшественников современных предпринимателей. Указанные платежи по своей правовой природе представляли собой плату, связанную с договоренностью сторон о предоставлении имущества в собственность иному лицу (плательщику ренты), которая в дальнейшем, вследствие дифференциации правового регулирования, не утратив своего возмездного встречного свойства, претерпела юридико-техническую трансформацию, «обосновавшись» в той или иной форме в зависимости от объема предоставляемых прав, правового режима объекта и правового статуса вовлеченных участников, в современных договорных конструкциях займа, аренды, ренты, коммерческой концессии, соглашений о разделе продукции и др. По нашему мнению, именно такая правовая оценка оснований возникновения понятия ренты в широком смысле дает наиболее полное и комплексное представление о ней как правовом феномене. В этой связи полагаем возможным утверждать как о гражданско-правовой однородности, так и о единстве основ возникновения рентных платежей, носящих комплексный характер, позволяющий учитывать не только единство, но и дифференциацию целого ряда современных договорных институтов на основе «рентного» критерия. Указанное, в свою очередь, открывает новые направления в исследовании уже известных юридических конструкций, закрепленных в части второй Гражданского кодекса Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание русских летописей. Т.1. ст. 34,51. СПб, 1908, Т. 2, ст.ст. 23, 40, 59. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950. 114-115, 127 с.
2. Материалы к изучению истории государства и права России: «Русская Правда». М.: Государственная публичная историческая библиотека России, 2002. 44 с.
3. Там же, 46 с.
4. Российское законодательство X-XX веков в 9-ти томах. Т.1. Законодательство Древней Руси. М.: Юридическая литература, 1984, 353 с.
5. Необходимо отметить, что самозаклад был известен римскому частному праву и применялся для обеспечения платежа долга. См. Римское частное право. М.: Новый юрист, 1997. 363 с.
6. Российское законодательство X-XX веков в 9-ти томах. Т.2. Законодательство периода укрепления Русского централизованного государства. М.: Юридическая литература, 1984. 97 с.
7. Российское законодательство X-XX веков в 9-ти томах. Т.3. Акты Земских Соборов. М.: Юридическая литература, 1984, 313 с.
8. См. подробнее. Памятники русского права. Вып. 5. М., 1908. 214 с.
9. Российское законодательство X-XX веков в 9-ти томах. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. М.: Юридическая литература, 1984. 310 с.
10. Собственность в России: Средневековье и раннее время. М.: Наука, 2001. 183 с.
11. О развитии предпринимательства тех времен см. подробнее. РГАДА. Верхотурская приказная изба. Оп. 1. Стб. 146. Ч. 2. Л. 262; Копылов А. Н. Русские на Енисее в

XVII в. Новосибирск, 1965.; Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII в. М., 1957 и др.

12. Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945. Т. 1, 174 с.

13. Полное Собрание законов Российской Империи. Т.IV. № 1812.

14. Гражданское право. Т. 1. Учебник, 2-е изд. Под ред. Е.А.Суханова. М., 2003. С. 482-483.

15. Полное Собрание законов Российской Империи. Т. 5. № 3464; Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953; Штоф А. Сравнительный очерк горного законодательства в России и Западной Европе. Ч. 1. СПб., 1882.

16. Полное Собрание законов Российской Империи. III. Т. 23. № 23309.

17. Полное Собрание законов Российской Империи. Т. XXIX. № 22208. 437 с; Горный журнал. 1861.Ч. III. № 8. С. 37-38.

18. Полетика И. О новом проекте горных законоположений для Прусского королевства и сравнение его с основаниями русского горного устава // Горный журнал. 1862. № 12, 486 с.

19. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1907, 605 с.

20. Власова М.В. Право собственности в России. М., 2002. 93 с.

*Дмитрий Сергеевич ДЯДЬКИН —
преподаватель кафедры уголовного права
Сургутского государственного университета,
кандидат юридических наук*

УДК 343.241

КРИТЕРИИ НАЗНАЧЕНИЯ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросу определения критериев назначения уголовного наказания и их отграничения от принципов и общих начал данного процесса.

The author touches upon several issues of criminal punishment imposing with an aim to define its criteria and to differentiate them from principles and foundations of a given case.

С точки зрения общей философии и философии права морально-этическая категория «социальная справедливость» многоаспектна. Однако множество ее определений вполне сводимы к единому общему определению, согласно которого социальная справедливость — это ориентир соответствия, соразмерности, сбалансированности между осуществленными тратами, усилиями, свершениями людей и ответной реакцией на эти усилия со стороны общества, государства, организаций и индивидов; этот ориентир выражен в виде вознаграждений, поощрений или осуждения [1-4]. С этой точки зрения совершенно верно высказывание о том, что возникновение справедливости как социального феномена вызвано самой природой общественных отношений [5].

Конкретизируя принцип справедливости уголовного права, выраженный в ст.6 УК РФ применительно к назначению наказания, положения ч. 2 ст.43 УК РФ, требующей от наказания восстановления социальной справедливости и положения ст.60 УК РФ, можно сказать, что справедливое наказание - это такое наказание, которое соответствует тяжести совершенного преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Данное проистекает из принятого в специальной литературе суждения, что с позиций социальной справедливости оценивается не какое-либо отдельное явление, а несколько таковых (не менее двух) в их соотношении между собой [6], причем справедли-